ДВА ПИСЬМА ДОСТОЧТИМОГО ОТЦА БУВЕ, МИССИОНЕРА ОРДЕНА ИИСУСА, Г-НУ Г.В. ЛЕЙБНИЦУ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

I. Совпадение нового исчисления Лейбница с системой Фу-си. II. Способ реконструкции этой системы. III. Предположения относительно времени жизни Фу-Си. IV Его отношение к древним законодателям на Востоке. V Деятельность миссионеров в Китае. VI. Охота китайского императора. VII. Китайские иероглифы.

I. Хотя Вы, государь мой, ни словом не обмолвились в Ваших предыдущих письмах о Вашей новой системе счисления, то, что мне в общих чертах довелось услышать от одного из моих друзей, рассказавшего мне о ней, вызвало у меня великое желание проведать об этом что-нибудь от Вас самих. Но то, что Вы имели любезность сообщить мне в Вашем последнем письме, превзошло мои ожидания и пробудило во мне неодолимое стремление узнать от Вас самих все принципы ее действия не только ради того божественного предназначения, которое, как показываете Вы, она может выполнить, т.е. послужить делу Веры, и это главное, что должно побудить отнестись к ней с подобающим уважением, особенно людей одной со мной профессии; но также по причине того поразительного сходства, которое, как я нахожу, имеет место между Вашими принципами и теми, на которых, как я полагаю, основывалась арифметическая наука (science des Nombre) древних китайцев и другие [их] науки, сведения о которых они утратили, в том числе физика, или наука, излагающая принципы и причины возникновения и разрушения всех вещей: здесь древние китайские мудрецы видели такую же аналогию, что и Вы в системе чисел, на которых основывается всякая наука; и которая ничем не отличается от Вашей таблицы чисел, которую Вы предлагаете в качестве обоснования Вашей системы счисления; после чего Вы переходите, как это делают и китайцы, от образования чисел к возникновению вещей, с сохранением той же аналогии при объяснении одного и другого.

Впрочем, я здесь имею в виду только таблицу чисел, которую Вы связываете с геометрической прогрессией удвоения, на которой [также] китайцы остановили выбор как на самой простой и к тому же заключающей в себе совершеннейшую гармонию; и чтобы Вы могли убедиться, государь мой, что эта таблица представляет собой, без каких-либо изменений, то же самое, что и система г у а я о, или черточек царя китайских философов, я имею в виду Фу-си, я попрошу Вас о трех вещах, и, я не сомневаюсь, Вам нетрудно будет оказать мне такую любезность. Во-первых, я попрошу Вас продолжить Вашу таблицу чисел, которая в Ва-

© В.М. Яковлев, перевод, 1995

шем письме не идет дальше 5-ой ступени геометрической прогрессии удвоения, т.е. дальше числа 32; продолжить, я повторяю, Вашу таблицу до 6-ой ступени той же самой прогрессии; т.е. до числа 64, или скорей до числа 63 всего лишь, поскольку 63 с нулем в начале ряда составляют 64 [члена ряда].

Теперь, когда Ваша таблица доведена до этой степени удвоенной прогрессии и стала наполовину длиннее, я попрошу Вас, во-вторых, представить, что все нули, которые являют собой образы несуществующего или несовершенного, заменены таким же количеством прерванных [черт], как Вы видите здесь в скобках $(= -)^1$, и что вся Ваша таблица состоит из целых и прерванных черточек, как таблица Фу-си.

После того, как Вы это представили, я прошу Вас, в-третьих, разделить Вашу таблицу на две половины, каждая из которых будет состоять из 32 порядков (rangs), составленных, в свою очередь, из шести целых и прерванных черточек, и расположить их рядом друг с другом в два столбика, так чтобы оба конца, которые сходились до рассечения, стали противоположными. Благодаря этому каждый из двух столбиков станет изогнутым в виде полуокружности и присоединится к другому, так что два верхних конца сомкнутся, точно так же как и два нижних конца; затем сравните эту фигуру с китайской круговой фигурой, которую я Вам посылаю, и посмотрите, заметите ли Вы там какое-либо отличие и не откроете ли там всю ту чудесную гармонию, какую я нахожу в Вашей таблице.

Эта схема – одна из схем Фу-си, который благодаря изумительному искусству совершенного знания (к которому Вы, по-видимому, идете прямым путем, с тем чтобы помочь вновь обрести его людям, которые утратили его более чем 30 или 40 веков тому назад), сумел заключить как бы в двух общих и магических символах принципы всякого знания настоящей мудрости; и этот великий философ, в облике которого нет ничего китайского, хотя эта нация почитает его в качестве творца знаний и основателя государства, ввел эту систему, представленную круговым расположением, похоже, для того, чтобы вычислить и точно знать все периоды и движения небесных тел и дать ясное понимание всех перемен, которые при их посредстве совершаются непрерывно и последовательно в природе.

Вторая схема, которую Вы видите заключенной в первой и которая является разновидностью магического квадрата, будет такою же, как и первая, с точки зрения составляющих ее элементов, но значительно отличающейся, в этом нет сомнения, с точки зрения расположения ее частей и того назначения, которому Фу-си, являющийся их автором, определил их служить: назначения, которые не известны и не были известны никому, так же как и назначения первой фигуры, возможно, с начала возникновения этого древнего государства; различные комментарии, которые составлялись в разное время, даже до Конфуция, могли им дать лишь самое смутное истолкование.

И если Ваша таблица чисел абсолютно тождественна той, которой воспользовался Фу-си для создания своей системы, которую сведущие

люди считают системой чисел, и в этом (тождестве) Вы убедитесь сами, как только сравните одну с другой; Вы возможно признаете одновременно также, государь мой, что наука, в которой, как Вы не без основания полагаете, заключаются естественный порядок и гармония чисел этой таблицы, и если оную продолжить согласно возрастанию степеней удвоенной геометрической прогрессии, возможны великие открытия, не может считаться новой наукой, по крайней мере в Китае, поскольку система черточек, которую приписывают основателю самого древнего государства (Monarchie) в мире, по-видимому, является не чем иным, как такой наукой, открытие которой [вновь] не должно Вам приносить в Европе такой славы среди ученых мужей, какая подобала бы Вам, если бы никто на свете никогда ранее об этом не догадывался.

Что до меня – человека, который, раздумывая достаточно долго над этой системой черточек, которая здесь считается уже давно необъяснимой загадкой, вроде почувствовал, будто ему приоткрываются лаконичность (l'économie), красота и масштабность этой науки, – и Вы могли бы это понять из письма, которое я написал, будучи во Франции, на этот предмет, а я просил, чтобы Вас с ним ознакомили, – то [я] уверяю Вас, что сходство Вашего открытия с этой древней системой – и это то из [всего] относящегося к науке, что я ценю более всего на свете – делает то уважение, которое я питаю в душе моей к Вашей особе, гораздо более глубоким и позволяет мне надеяться, что благодаря тому, что перед нашими учеными открываются новые дороги, они смогут однажды обрести знание подлинной системы науки о природе, [как] и всех других наук, почти такое же, каким обладали когда-то первые патриархи на Земле, которое либо было даровано им Небом, либо было приобретено ими постепенно благодаря их гению и благодаря их кропотливой и долгой работе.

II. Поскольку я исповедую те же принципы, что и Вы, мой сударь, меня ничуть не приводит в недоумение Ваш проект набора символов, которые Вы предлагаете для выражения мыслей: так чтобы одни и те же символы служили одновременно и для вычислений и для доказательства в рассуждениях и т.д. Ибо этот вид письма мне представляется содержащим настоящую идею древних иероглифов и кабаллы иудеев, точно так же как и знаков Фу-си, который считается в Китае первым изобретателем письменности, или иероглифов, которыми пользуется этот народ [и] для получения которых, как обычно объясняют, он использовал 64 комбинации целых и прерванных черт в его системе, которые представляют собой такое же количество числовых символов. Но поскольку китайцы не знают числовых значений, скрытых под этими выражениями, или алгебраическими символами, и следовательно, они ничего не подозревают об отношениях, которые имеют их знаки с этими первыми символами, они настолько изменились за столь длительный промежуток времени, что осталось совсем мало таких, которые сохранились бы достаточно полными (entiers), чтобы их можно было отнести к их подлинному и первоначальному истоку.

Мне кажется, что наиболее коротким путем к восстановлению этой древней характеристики (ancienne caractérisitique)[2], идея которой мне

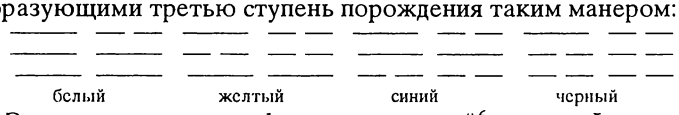
представляется довольно похожей на Вашу, было бы, во-первых, восстановление системы Фу-си и использование двойной геометрической прогрессии, чтобы сообщить ей естественные метафизические принципы[3] и чтобы расположить в наиболее простой и естественной последовательности все идеи согласно их роду и видовому отличию при более или менее универсальном ранжировании ступеней, подобно генеалогическому древу, в котором все предшествующие и последующие ответвления, идущие от ствола и до кончика ветвей, соответствовали бы этой двоичной прогрессии. Так точка ( ), которая представляет собой самый простой, какой только можно себе вообразить, символ для обозначения целостности (l'unité), могла бы стать также символом, характерным для первопринципа и трансцендентного существа, и служить для обозначения самого простого, самого совершенного и самого плодовитого (fécond) из всех существ.

Во-вторых, два рода [идей], которые вытекают непосредственно из первопринципа, а именно: совершенное и несовершенное, можно представить знаками двоичного числа ( ) и троичного числа ( ) или двумя маленькими черточками: одна из них будет целой и будет обозначать совершенное и нечетное число *три*, которое вследствие этих [двух] его характеристик весьма подходит для обозначения универсального рода вещей, или совершенных идей; другая будет прерванной (—— ——) и будет обозначать число четное и несовершенное, способное представлять вещи или идеи несовершенного рода.

В-третьих, поскольку в соответствии с двоичной геометрической прогрессией следующая ступень ряда равна четырем: 1 порождает 2 и 2 порождает 4 – оба рода первой ступени, а именно: род совершенного и род несовершенного должны породить четыре рода, подчиненных обоим двум высшим порядкам, а именно: порядку более совершенному и менее совершенному, и которые можно представить так, чтобы они приняли следующий вид: _____ ___ ___ _____ ___ ___ _____ _____ ___ ___ ___ ___, либо с помощью символов Вашей таблицы: 11 10 01 00, что приводит к тому же.

В-четвертых, поскольку в двоичной геометрической прогрессии третья ступень порождения будет 8 после удвоения четырех, третья ступень порождения родов[4] вещей или идей тоже должна содержать 8 таких родов, а именно, по два подчиненных каждому из четырех родов более высокого порядка и отличающихся друг от друга (благодаря наличию или отсутствию) более или менее простых признаков (idées). Так, чтобы сделать это понятным на примере цвета, поскольку свет и тень – это два универсальных рода, или принципа, род светлого при большей степени интенсивности произведет род белого, а при меньшей степени интенсивности – род желтого; а тень, напротив того, при более высокой степени интенсивности произведет черное, а при менее высокой степени – синее, которые будут служить четырьмя элементарными цветами. Из этих четырех цветов, которые представляют четыре рода просто в силу большего или меньшего различия, рождаются восемь других, которым можно дать отличающиеся названия, которые обозначат их род и их

отличия как более или менее белое, более или менее желтое, более или менее синее и более или менее темное (noir), и идея этих восьми родов или степеней яркости цвета может быть очень хорошо представлена, к тому же простым и естественным способом восемью сочетаниями из трех черт, образующими третью ступень порождения таким манером:

Это восемь знаков фундаментальной[6] схемы Фу-си, которая называется ба гуа ту (схема из восьми гуа), которую все ученые мужи всегда рассматривали как основу всех видов знания, хотя никто еще не понял ее истинный смысл, который, я полагаю, сводится к тому, что я только что сказал на этот предмет[7].

В-пятых, если от этой третьей ступени подняться на четвертую, то поскольку 8 порождают 16 в двоичной прогрессии, следуя этой аналогии, [постольку] 8 родов, представленных восемью знаками из трех черт схемы Фу-си произведут еще шестнадцать, а именно: каждая две, которые, сохраняя взаимное расположение, аналогичное взаиморасположению породивших их [элементов], будут отличаться друг от друга лишь большим или меньшим количественным значением. И тогда можно будет представить естественным образом при помощи 16 знаков, составленных из четырех прерванных и целых черт каждый, и согласно тому же принципу [такое же число родов вещей и идей].

В-шестых, от этой четвертой ступени порождения переходим точно так же к пятой, которая охватывает 32 специфических рода, или родовых вида (espèces génériques), представляемых тридцатью двумя знаками, составленными из тех же двух видов черт, по-разному сочетающихся в своем составе из пяти таких черт, означающих, что это пятая ступень порождения. Наконец, от этой пятой ступени мы восходим к шестой, которая заключает в себе 64 вида вещей или идей, что Фу-си и желал, несомненно, выразить при помощи 64 знаков по шесть черточек [в каждом], представленных на его схеме; все это – естественные символы, представляющие идеи и, – будучи соединены в этот восхитительный порядок, в котором он их выстроил, образовав свою двойную схему в виде квадрата и круга, – представляющих [в наше распоряжение] весьма совершенный метод, позволяющий до конца исследовать и с предельной ясностью изложить без помех и трудностей и при использовании одних и тех же терминов и аналогий принципы всякого рода знания.

Тут есть еще вот о чем подумать: чтобы перейти с третьей ступени порождения на шестую, самое короткое было бы умножить на восемь каждый из восьми членов третьей степени. Путем такого умножения мы получили бы то же самое число 64 и избавились бы от двух ступеней подчиненных родов, большое число которых может только создать затруднения и [дополнительные] препятствия (embarras) в той области знания, каковой является тот род метафизики, которому полагается быть в равной мере простым и универсальным. Кроме того, такое объяснение счастливо предоставило бы [в наше распоряжение] те самые восемь

ступеней различия, которыми Аристотель наделяет свои качества; так, если приложить это к тому самому предмету, который мы выше брали в качестве примера, я имею в виду цвета, можно таким способом различать с изумительной отчетливостью 64 различных цвета восьми главных видов, где каждый вид содержит восемь цветов. И что более всего восхитительно, эти восемь видов цвета, если их расположить согласно порядку, о котором мы говорили выше, образуют каждый по восемь разных оттенков; эти восемь оттенков в сочетании (unies ensemble) образуют единственный универсальный оттенок шестидесяти четырех сортов цвета[8], где каждый отличается от соседнего всего лишь на одну ступень.

То, что я сказал о цветах, можно и должно повторить таким же манером обо всех других предметах, к которым мы захотели бы приложить эту новую или, скорее, древнюю метафизику, которая, возможно, имеет некоторое отношение к той, мой сударь, относительно Вашего доказательства которой Вы породили надежду у ученых; которая по этой причине заслуживает, чтобы Вы соблаговолили уделить ей какое-то внимание. Таким образом, при помощи двух только принципов, или двух видов материи, следуя правилам и аналогии этой системы, мы сможем объяснить все виды чисто телесных существ. Более того, когда мы, следуя той же самой системе, будем говорить о каком-либо предмете, что он album ut quatuor, nigrum ut octo, calidum ut duo frigidum ut sex, siccum ut quinque, humidum ut septem, sive yt in septimo gradu[9] и т.д., мы будем иметь столь же отчетливое и точное представление о том, что мы говорим, как когда мы говорим, что градус есть 360-ая часть круга, или, что небесный знак это 12-ая часть зодиака и т.д.

III. Весьма вероятно, что у Аристотеля и других великих философов, которые рассуждали так же, как он, были те же самые идеи; и если последующие поколения (la posterité) находят их высказывания неясными, то это потому, что они не сумели понять их мысль и по-настоящему осознать их подлинную систему. Возможно, что эта система, если ее хорошо изучить, окажется целиком построенной на тех же принципах, что и система Фу-си, который, на мой взгляд, заслуживает с полным основанием, чтобы его считали царем всех философов как потому, что он жил в столь глубокой древности, так и из-за отчетливости, простоты, надежности и универсальности его системы, и я могу это утверждать, не ставя китайцев в области науки выше всех других народов мира. Сохрани Боже, чтобы я допустил столь глубокую несправедливость по отношению к Европе, милой моей родине, которая в отношении возвышенных знаний настолько же превосходит Китай, насколько Китай удален от Европы географически. Ибо, хотя сей народ почитает этого великого человека за своего первого правителя и основателя государства, есть веские основания, признаваемые весьма маститыми учеными (я говорю о наибольшем их числе), которые доказывали, что Фу-си никогда не ступал на китайскую землю.

IV Большая часть рассказов как о том времени, когда он жил, так и о его деяниях, такого характера, что нам нетрудно судить по совпадению, почти полному, всего того (что в них содержится) с тем, что нам сообщают наши древние авторы, а также арабские (ceux du Levant) о

Зороастре, Меркурии Трисмегисте и даже о Енохе, что Фу-си был не кто иной, как один из этих великих персонажей. Оба иероглифа его имени дают даже определенные основания для такого предположения, ибо первый иероглиф *фу* (伏) состоит из двух других иероглифов, а именно: *жэнь* (人) (homo) и *цюань* (犬) (canis), как если бы кто сказал: homo canis, sive canica sagacitate in venandis et perquirendis rerum omnium causis et principiis так же, как и Меркурий Трисмегист, которого создатели иероглифических символов изображали с головой собаки и туловищем человека. Следующий иероглиф *си* (羲) обозначает термин, из которого можно заключить, что Фу-си был священнодействующим лицом, или верховным жрецом, и что это он установил порядок жертвоприношений и [отправления] религиозного культа. Кроме этого обычного имени ему дают еще в книгах титул *тай хао*[10], который означает "возвеличенный", или "трижды великий", т.е. Трисмегист[11]. Возвратимся же к его системе, где я должен обратить Ваше внимание [на то], во-первых, что восемь родов третьего порядка порождения с восемью видами в каждом представлены на квадратной схеме тем же числом горизонтальных строк, заключающих по восемь знаков из шести черт; указанные знаки, если принять, что 64 вида порождаются путем умножения на восемь каждого из восьми родов третьей ступени порождения, следует рассматривать как непосредственный результат сочетания восьми знаков из трех черт, или простых знаков с одноименными или с семью остальными знаками, так что знак, к которому присовокупляется другой, образует нижнюю половину, а приставленный знак – верхнюю половину, как это видно на квадратной схеме.

Я должен обратить Ваше внимание на то, во-вторых, что в этой системе, которая была создана более 4 600 лет тому назад, если верить китайской хронологии, и которая, следовательно, является самым древним памятником на Земле, будучи созданной весьма просвещенным человеком, и [таким] который не мог не знать возраста мира и порядка, которого придерживался Создатель при созидании; человек, который расчитывал прежде всего преподать потомкам посредством этой системы истинные причины и принципы произведения Вселенной и всех тех частей, из которых она состоит; итак, я должен обратить Ваше внимание, что этот философ для того, чтобы его учение было воспринято, должен был учитывать порядок творения, знание которого должно было быть еще отчетливым и повсеместным (universella) [в то] (букв.: в его) время, в которое еще дети Ноя были живы, или умерли совсем недавно; похоже также, что для этой цели и для того, чтобы представить как бы в натуре последовательность создания всех творений (créatures) в течение шести дней[12], засвидетельствованную (rapportée) Моисеем, этот философ, который жил до него, установил в своей системе шесть ступеней порождения; также нет сомнения, что Фу-си, чтобы сохранить память о седьмом дне, который Господь отметил (consacré) тем, что почил после шестидневных трудов, и который он обязал человека блюсти как религиозный

праздник, чтобы тот сохранил память о бесконечных благодеяниях своего создателя, освятил число семь в системе, представленной круговой схемой, в которой все обращения заканчиваются и начинаются семью – тайна, которой китайцы никогда не понимали, и которую мы надеемся когда-нибудь раскрыть при особой помощи Неба.

Я должен обратить Ваше внимание, в-третьих, дабы Вам было видно соответствие Вашего изящного доказательства существования Господа – Творца всего сущего с тем доказательством, которое содержится в системе Фу-си, на то, что поскольку его система строится на основе двоичной геометрической прогрессии: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64 – продолженной до седьмого [ее] члена, где 1, или, скорее, ( ) является принципиальным, или исходным термином и как бы породителем (générateur) всех остальных, 2 – первой ступенью порождения, 4 – второй ступенью, 8 – третьей ступенью и т.д., и поскольку он приводит в своей системе шесть последних членов этой прогрессии в качестве символов или образов шести ступеней порождения всех вещей в природе, отсюда следует, что поскольку второй член, или первая ступень порождения – 2 [или двоица], в которой проявляются характеристики Неба и Земли; отсюда, я повторяю, следует, что как 2 есть первая ступень порождения, так Небо и Земля должны являться, согласно Фу-си, первой ступенью природных творений (productions naturelles) и обладать уникальным принципом их *произведения*, представленным первым членом из семи двоичного ряда: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64 – истина, которая, впрочем, бесспорно установлена в классических книгах китайцев, поскольку в Книге обрядов[13] можно найти такой пассаж: *тай и фэнь эр гуй тянь ди*; это означает: *Великое единство*, или еще лучше сказать: триединство (ибо два иероглифа т а й и заключают все эти три смысла) *есть принцип Неба и Земли*[14]. Но чтобы было понятно, что т а й и, или то самое Великое Единство, о котором говорится в Книге обрядов, есть реальное единое, мыслящее, всемогущее и тождественное Шанди, суверенному Владыке Неба и Земли, существо; достаточно сказать, что в Ши-цзи, старинной Книге летописей[15], чрезвычайно ценимой и написанной до рождения Иисуса Христа, говорится, что в древности совершали жертвоприношения и приносили жертвы в первую очередь т а й и, иначе говоря, uni maximo на том алтаре, где совершаются жертвоприношения Шанли; к этому я могу добавить, что в обряде почти столь же древнем, как сообщается, некогда точно таким же образом приносили жертвы и с а н ь, иначе говоря: uni trino. Предположение, которое Вы мне высказываете касательно иероглифов и языка китайцев, мне представляется верным. В построении китайских символов (caractère) есть, как я полагаю, замысел, и в этом замысле чувствуется серьезность стремления и мудрость, присущая первым патриархам на Земле; их я считаю создателями [системы], а не китайцев, чьи иероглифы, хотя они совершенно изменены, мне представляются теми же, что и употреблявшиеся египтянами; и слова их языка, которые подвергались еще более значительному изменению, все еще сохраняют в изрядной мере связь, и по звучанию и по смыслу, с другими языками и в особенности с наиболее простыми и наиболее древними. Если у меня будет досуг, я мог

бы как-нибудь высказать ряд любопытных наблюдений на этот предмет, который, мне кажется, дает достаточно пищи [для размышлений].

V Деятельность французских иезуитов, с тех пор как мы поступили в эту миссию, подвержена такому количеству отвлекающих обстоятельств и прерывается из-за такого количества трудностей, что мы не имели еще возможности приступить к обыкновенным миссионерским обязанностям (исполнение которых, как Вы знаете, должно быть нашим главным занятием) и к регулярному плану, который мы составили, чтобы способствовать освещению положения дел в Китае и дать Европе представление о науке этого народа; но теперь, когда по Воле Небес нам открывается возможность начать серьезно трудиться, мы благодаря отдыху, который будем вкушать с божьей помощью посреди трудов наших, и благодаря числу наших сотоварищей, которое с каждым годом будет умножаться значительно, так же как и число наших заведений, впредь надеемся быть в состоянии посылать каждый год в Европу сведения, которые доставят истинное удовольствие ученым и в особенности тем, которые заинтересованы в совершенствовании искусств и наук, и которые способствуют, так как это делаете Вы в столь необыкновенной манере, оному.

Мы полагаем также с нашей стороны, и мы надеемся [при этом] на Ваше великое усердие, которое Вы, мой сударь, проявляете в вопросе распространения [христианской] веры в этой огромной империи, что Вы соблаговолите посвятить нас в открытия, Ваши собственные и той просвещенной Академии, которая начинает работать по Вашему примеру и под Вашим руководством. Это будет новое оружие, которым миссионеры воспользуются здесь, чтобы разрушить постепенно царство Дьявола и чтобы прочно установить там царство Иисуса Христа. Я бы хотел иметь в своем распоряжении сколько-нибудь словарей, переведенных на какой-либо европейский язык, чтобы их Вам послать; но у меня их нет. Отец Виделу собрался приступить к составлению одного такого словаря, который обещает быть безупречным, разве что он не будет содержать анализ символов, который Вы бы хотели. Что до меня, я был склонен особо заняться этим анализом. Но полагаю, что не должен отвлекаться ради этого от нескольких других занятий, более важных для блага религии и по отношению к нашей науке. Перевод китайского словаря на манчжурский язык (en Tartare), который Император[16] поручил очень знающим людям, еще не завершен; как только он будет закончен, кто-нибудь из нас переведет его на латинский или французский язык, чтобы познакомить Европу сразу с тремя иностранными языками, ибо китайский язык и письмена – все равно что два разные языка, из которых один обращен к слуху, а другой к зрению; а тем временем я попрошу разыскать книгу, о которой Вы мне говорите; я имею в виду книгу, в которой рисунки предметов даются вместе с названиями, а также ту, где изображаются древние сосуды, ритуальные предметы и другие вещи подобного рода со старинными иероглифическими надписями к ним; здесь это произведение (книжного искусства) относится к тому же жанру, что и наши альбомы старинных медалей, к этому присовокупляются объяснения надписей современными иероглифами, или знаками; если мне

удастся найти их вовремя, я их пошлю Вам в этом году с некоторыми образчиками бумаги, которые Вы хотите получить, и затем секрет производства этой замечательной бумаги, если я сумею его разузнать. Что касается Вашего замечательного открытия чисел вместе с доказательствами, которые Вы отсюда извлекаете ради обоснования догмы о Сотворении, то приходится ждать какого-либо благоприятного случая, чтобы поговорить об этом с Императором и рассказать ему о Вас, ибо, вот уже несколько лет, как, удовлетворив свой интерес к теоретическим принципам наших знаний, он не позволяет нам с такой же непринужденностью рассуждать о вещах такого рода, с какой это можно было делать прежде. К тому же, поскольку, когда с ним приходится говорить о чем-то, нужно быть готовым дать удовлетворительный ответ на все вопросы, которые он задает, а Вы не оказали еще любезности сообщить мне все, что было бы желательно для этого, то мне возможно придется подождать каких-либо новых сведений в этом отношении.

VI. После того как я возвратился из Европы, Император не предложил мне никакого другого занятия в услужение ему, кроме работы вместе с двумя из моих коллег, которых я привел к нему, и отцом Тома над топографической картой, размером в 20 футов в квадрате, одного округа здешней провинции, протяженностью в 15 миль, считая от этого города к югу, которую мы для него начертили прошлой зимой; но это занятие не оставило мне времени сделать какое-либо открытие, которое заслуживало бы того, чтобы о нем Вам писать, разве если составить план х а й ш у, загородного дворца там, где Император каждый год имеет обыкновение развлекаться в течение нескольких дней охотой; мы встречаем там среди диких животных, которых там несколько видов и которые очень многочисленны, разновидность диких мулов обоего пола, которые ничем не отличаются от домашних, разве тем только, что этот вид размножается в Монголии, где их ловят, как и других животных; может быть, в домашних условиях это принуждающее и стеснительное воспитание делает таких животных неспособными производить потомство, как и слонов, которых мы видели в Сиаме, где те, кто заведует королевскими слонами, как и ухаживающие за ними, в один голос уверяли нас, что слоны становятся бесплодными, как только их приручают и заставляют расти в стойлах; напротив, когда им предоставляют свободу гулять в лесу, где сиамский король держит несколько стад, они размножаются так же хорошо, как и дикие, с которыми слонихи из королевских стад смешиваются. В этом году Император, помимо своей обычной охоты в Манчжурии, которая была [уже] примерно как четыре месяца, устроил еще и дополнительную, это охота на лося, т.е. американского лося; собственноручно он убил их более двух десятков; на эту великолепную охоту он отправился в свои родные места. Американский лось и бобер, которые водятся в тех краях, так же как и в Северной Америке, дают еще одно основание полагать, что эти два континента каким-то образом сообщаются. Я оставляю вопросы г-на Скрокинза, а также г-на Коханьски, чтобы ответить на них самому, или чтобы это сделал кто-либо из моих компаньонов. Те, кто говорят, что наследный принц этой страны занимается несколькими европейскими языками или изучил их, плохо осве-

домлены. Императору действительно несколько раз было любопытно посмотреть, как мы пишем буквы нашего алфавита, и послушать чтение наших книг, точно так же как и его царственным детям, но никогда с намерением изучить их. Правда, что Е[го] В[еличество] и кое-кто из его детей по его примеру, обнаружив, что начертание наших цифр легче и удобней, чем у них, так к ним привыкли, что пользуются нашими таблицами синусов и логарифмов, как мы сами; я попросил переплести их вместе в нескольких образцах во Франции для этой цели, и они ими теперь пользуются.

У Вас есть очень существенное основание полагать, государь мой, что китайские письмена должны быть связаны между собой; такая связь в самом деле очень велика, и это могло бы оказаться удивительно полезным для их усвоения и запоминания без опасения, что они забудутся, если бы были хорошо известны их связи и истинные принципы их построения, в котором нет ни причуды, ни случайности. Если бы знать эту связь если бы словари были составлены по методу, основанному на этой связи, изучение этих знаков представляло бы дивное удовольствие, тогда как за недостатком этого [условия] занятие это самое скучное и самое противное, какое только может быть на свете. Во всех словарях в начале [разделов] идут как заглавные ключевые знаки, из которых составлены все остальные, и под которыми они распределены как соответствующее количество классов; но поскольку в этих словарях в качестве порядка их построения, чтобы легче можно было найти то, что ищешь, не принималось во внимание ничего кроме числа черт, то из этих словарей нельзя извлечь других преимуществ.

VII. Прежде чем закончить это письмо, которое я уже нахожу слишком растянутым по своему содержанию, выражу надежду, что может быть Вы не станете сердиться, получив [еще и] разбор некоторых иероглифов, которые употребляются вот уже более 4 500 лет философами этой восточной страны для обозначения Верховного Существа, которое было известно им и почитаемо ими по крайней мере столь же определенно, как и другими философами у всех остальных народов, не только у христиан и евреев. Эти иероглифы будут сему подтверждением, которое может служить доказательством для лиц, способных, подобно Вам, судить о такого рода вещах. При том, что точка и целостность (l'unité) являются принципами знания о величинах непрерывных и величинах дискретных или, точнее, арифметики и геометрии, являющихся двумя основаниями, на которых зиждутся все знания китайцев, не следует удивляться, если мудрецы древности, дабы выразить Верховное существо, представляющее принцип всех других существ и наиболее простое из всего, употребляли обозначения точки и целостности и пользовались для этой цели этими двумя знаками ( ) (–), являющимися самыми простыми двумя, какие [только] можно представить, и в качестве двух первых принципов всего остального; так что поэтому, во-первых, дабы выразить идею главы, господина, государя, они отмечали всего лишь точку ( ), которую они произносили ч ж у (dominus) так, как это подтверждают все или почти все словари. Во-вторых, в (конфуцианской классической книге Шу-цзине символ целостности (–) употребляется также для обозначения

единственного в своем роде и Верховного Существа, или в е й и. В тексте книги Ли-цзи этот же самый символ служит, как я сказал, для обозначения Божества (т а й и ф э н ь э р г у й т я н ь д и), что значит: unitas ter maxima, velunus ter maximus et principium coeli et terrae[17]; ибо слово т а й означает maximus[18], и unus[19], а два эти слова, будучи соединены, заключают троичное число, или триединство; как говорят обыкновенно китайцы с их словарем, не разумея теперь того, что они говорят[20]: т а й и х а н ь с а н ь; hoc est unus maximus involvit trinitatem personarum seilécet[21].

Следует заметить здесь, что символ т а й maximus, состоит из двух других, а именно: д а (大), magnus и точки (`) dominus, таким образом, разложенное на составные части т а й и в точности означает Господь Единый Великий[22] – именование, которое подобает одному лишь Богу, точно так же как unus trimus maximus[23]; отсюда пошло и то, что оно при обозначении одним словом той же самой идеи присоединили знак целостности (–) к знаку д а magnus, и в результате составили знак т я н ь (天), который означает скорей архетипическое Небо, нежели небо материальное, для обозначения которого он равным образом употребляется; прибавьте к этому еще фундаментальную связь, которая есть у слова т я н ь, как по смыслу, так и по звучанию, со словом θεοιζ, θεῶν, поскольку оба произносятся с одинаковым придыханием. Это то слово, которое у них бывает часто на устах; и д а г у й т я н ь, иначе говоря, знак *u*, unus и знак д а, magnus образуют знак т я н ь, который подразумевает с большей естественностью Царя Небесного, чем собственно Небо.

Иероглиф д и (帝), император, [также] Шанди (上帝), Верховный [Властитель или Небесный] Император, представляющийся наиболее употребительным знаком, служащим для обозначения Верховного правителя над всеми, – этот иероглиф, повторяю, состоит из двух знаков, а именно: л и (立), которое означает primo crigere[24] и ц з и н ь (巾), vexillum seu sig num[25], служащий символом властвования, такой, который дает понять, что именно Господь обладает верховной властью (la souveraineautorité) в мире, и что именно Он повелевает всем, Он может все заставить подчиниться малейшему проявлению Его воли.

Иероглиф д и объясняется обычно, даже менее ортодоксальными философами, в контексте (sur le chapitre) знания и существования Бога, он объясняется, повторяю, двумя другими, образующими его знаками: ч ж у (主) и (宰) ц з а й, т.е. "господин, который правит" (dominus gubernator); – каждый из которых мы сейчас проанализируем. Во-первых, иероглиф ч ж у – "повелитель", состоит из двух других, из которых один означает лицо, наделенное царской властью (Roi), а другой означает повелителя (Segneur). Таким образом, согласно нашему анализу, ч ж у означает собственно "Государь [и] Повелитель" Во-вторых, иероглиф ц з а й состоит из трех частей, из которых первая, или верхняя призвана

обозначать "закрывание крышей" и означает "небо"; вторая образует крест и является символом числа десять у китайцев, как и у римлян и египтян; эта вторая часть иероглифа означает у китайцев целокупность вещей, охватываемую небесным сводом, точно также как у Пифагора, который передавал все сущее своей знаменитой четверицей: 1, 2, 3, 4, сумма которой равна десяти. Наконец, третья часть этого иероглифа, которая располагается между двумя предыдущими и которая означает: condere, erigere, "возводить", "строить", отмечает весьма удобным способом (будучи присоединенной к двум другим) идею Творца Небес и всего сущего, Conditor Coeli et omnium que ejus ambitu continentur[26].

Знак х у а н (皇), который первоначально приписывался исключительно Шанли, и который императоры стали присваивать себе с тех пор, как тот император, что известен сожжением всех книг в стране[27], узурпировал этот высочайший титул, подчинив прежде всех правителей, поделивших между собой Китай; это начертание, я повторяю, которое значит "августейший", состоит из двух других, означающих в свою очередь "сто правителей"[28], что определенно характеризует высшее могущество и позволяет видеть, что мудрецы китайской древности, наделяя Шанди этим титулом, признавали его Повелителем повелителей, Rex Regum, Dominus Dominantium[29]; по этому поводу следует заметить, что иероглиф, который представляет это понятие centum, является собирательным термином, который часто употребляют для обозначения (чего-либо) в полном составе. Так у китайцев б а й л о (百果), centum fructus[30], берется вообще для обозначения всех плодов на Земле.

Я мог бы еще прибавить к этому разбор и объяснение многих других иероглифов, характеризующих Шанди, которыми китайцы пользуются, чтобы выразить Его бесконечное совершенство, однако, то, что я об этом уже сообщил, мне кажется достаточным.

Из Пекина, 4-го ноября 1701 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В тексте черта поставлена вертикально: (丨).

[2] От caractère "знак", "начертание"; поэтому важно прочесть: "древней иероглифической системы", "системы начертаний", "знаковой системы", наконец, и это вполне прозрачно (примеч. переводчика).

[3] Общефилософские принципы определенно отождествляются с натурфилософским принципами (примеч. перев.).

[4] Было бы правильно сказать "классов", тем более что этот термин употребляется в самой ранней комментаторской традиции.

[5] Здесь цветовая гамма не совпадает с традиционной китайской.

[6] Китайский термин: "коренная" (*бэнь* 本).

[7] Китайцам известны и принципы порождения и принципы классификации. "Истинный" же смысл схемы – космографический, однако его нелегко "вычитать". Глубина китайских текстов превосходит, как правило, расчетную.

[8] Здесь идея оттенка как такового, качественности минимального количества.

[9] "...Белый, поскольку четыре; черный, поскольку восемь; горячий, поскольку два; холодный, поскольку шесть; сухой, поскольку пять; влажный, поскольку семь, или поскольку в седьмой степени...".

[10] Тай хао 太皞 означает "Великий светоч" (см.: *Сыма Цянь*. Исторические записки / Пер. Р.В. Вяткин, С.В. Таскин. М., 1972. Т. 1. С. 345, 349).

[11] Человеко-собака, или существо, с собачьей чуткостью выслеживающее и разыскивающее причины и принципы всех вещей".

[12] Этого нельзя утверждать с полной определенностью, поскольку в основном тексте "Книги Перемен" семь дней отмечены (и не один раз); из них один день, в середине, выделен особо.

[13] Ли цзи (帝).

[14] Unitas maxima... Trinitasest principium coeli et terrae. Вероятно, должно быть: "Великое Единое делится и правит Небом и Землей".

[15] Речь как раз идет об "Исторических записках" Сыма Цяня.

[16] Второй правитель из династии Цин-Кан-си (1662–1722 гг.).

[17] Целостность трижды великая, или Единое трижды великое и принцип Неба и Земли (лат.).

[18] Великий (лат.).

[19] Единый (лат.).

[20] Может создаться впечатление, что позднейшие комментаторы знают меньше, чем древние мудрецы и авторы, которых они комментируют, но также и мы не можем вполне оценить их знание и то, в какой мере оно сохраняется и обнаруживается; открытия возможны вновь и вновь, и это относится к знаниям практически любой эпохи.

[21] То есть Великое Единое охватывает тройственность лиц само собой разумеющимся образом (лат.).

[22] Unus magnus dominus (лат.).

[23] Великий триединый (лат.).

[24] Первовоздвижение (лат.).

[25] Знамя, либо знак (лат.).

[26] "Создатель Небы и всего, что охватывается его сферой"

[27] Цинь Ши-хуанди (221–210 гг. до н.э.).

[28] Centum Reges (лат.).

[29] Царем царей, властителем властителей (лат.).

[30] Сто плодов (лат.).

ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ О ФИЛОСОФИИ И ХРИСТИАНСТВЕ

Б.В. Мееровский

Проблема отношения философии и религии, в особенности философии и христианства привлекала внимание Фейербаха с начала его творческой деятельности. В анонимно изданных "Мыслях о смерти и бессмертии" (1830), в историко-философских работах 1833–1838 гг. он раскрывает противоположность научно-философского мышления и религиозно-

© Б.В. Мееровский, 1995.